

**ИСТОЧНИКИ ПО САКСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ТУРГАЯ:
ОБЗОР ИМЕЮЩИХСЯ ДАННЫХ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**
(Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, проект №2978/ГФ4
«Саки Тургая: этноархеологические исследования»)

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
г. Алматы, Республика Казахстан

В настоящее время в изучении археологических памятников раннего железного века казахских степей наблюдается череда ярких, новых, прорывных открытий, что в свою очередь настоятельно диктует необходимость исследований Тургая. Поскольку Тургай и Улытау представляют собой западное крыло Сарыарки [1–3], то и исследования в данном регионе конструктивно строить именно на сравнительном анализе с имеющимся корпусом источников из других регионов Сарыарки. Примечательно, что в пределах Сарыарки долгое время велись и продолжают в настоящее время плодотворные исследования [4].

Сарыарка – обширная этногеографическая область, которую можно локализовать, в целом, пространством, протянувшимся от западных склонов Тарбагатай и Калбатау на востоке до Мугалжар на западе, что в современном административном делении охватывает отдельные территории нескольких областей [1–3].

«Сарыарка» – древнеказахский термин, его появление уходит в глубину веков. В советское время о границах Сарыарки сложилось не совсем правильное представление, ассоциируемое в основном, пределами Казахского мелкосопочника [1–3]. Термины, к которым привык современный исследователь, «Казахский мелкосопочник», «Приишимье», «Тургайское плато» и мн. др., возникли всего лишь в прошлом веке. Все это геологические и геоморфологические (географические) термины. О том, что все это историческая Сарыарка, знают не многие.

Впервые во всем Казахстане именно в Сарыарке в 1946 г., благодаря А.Х. Маргулану, археологические исследования начались экспедицией Академии наук. Это были исследования Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), в организации которой, как и в организации Академии Наук Казахстана, огромную роль сыграл выдающийся ученый Каныш Имантаевич Сатпаев. Работы ЦКАЭ, помимо многих других направлений, послужили фундаментом и для изучения сакских древностей Центрального Казахстана [5]. Памятники раннего железного века Сарыарки исследовались плеядой выдающихся отечественных археологов – Аликея Маргулана, Кималия Акишева, Мира Кадырбаева, Абдулманапа Оразбаева. Страницы древней истории казахских степей оживали на страницах фундаментальных работ исследователей, ставших классиками казахстанской археологии [5].

Одним из важных достижений ЦКАЭ стало открытие тасмолинской культуры, впервые охарактеризованной М.К. Кадырбаевым [6].

В настоящее время в Сарыарке работает свыше 10 научных экспедиций, нацеленных на поиск и раскопки памятников археологии. Что касается изучения древностей сакского облика, то в первую очередь следует отметить труды Сарыаркинской археологической экспедиции (САЭ) Института археологии им. А.Х. Маргулана, возглавляемой А.З. Бейсеновым. Благодаря работам данной экспедиции, впервые для региона получены принципиально новые данные, в том числе и о поселениях сакской эпохи. Исследованиями САЭ рассматриваются вопросы корректировки хронологии и периодизации тасмолинской культуры. А.З. Бейсенов считает особо важной проблему выделения на новом материале наиболее ранних памятников Тасмолы и пересмотр даты второго ее этапа.

К числу важных результатов работ САЭ следует отнести выявление памятников отличного от Тасмолы облика, получивших в литературе названия Коргантас и Карамола [7; 8, 126]. В результате раскопок рельефнее обозначились новые проблемы, которые возникают с анализом полученного материала. Благодаря обнаружению предметов, выполненных в зверином стиле, стало возможным реконструировать возникновение синкретических существ в искусстве саков на ранних этапах существования культуры [9].

Впервые в отечественной науке, именно в Сарыарке, раскопками изучено более 20 погребений с дромосами [10]. Данный конструктивный элемент надмогильных поминально-погребальных сооружений позволяет провести связь с комплексами эпохи поздней бронзы, в частности, с элитными погребальными сооружениями бегазы-дандыбаевской культуры [10]. Ряд интересных наблюдений, а также серия радиоуглеродных дат, полученных в 14С Хроноцентре в г. Белфасте (Великобритания), позволяет А.З. Бейсенову удревнить тасмолинские древности до VIII в. до н.э. Это работа сейчас выполняется [11]. Такие моменты логично согласуются с мнением М.К. Кадырбаева, который на основе сравнительно-типологического анализа комплексов с конской уздой, еще в те годы предлагал более раннюю датировку Тасмолы. Однако, в виду объективных обстоятельств данный тезис так и остался не озвученным Миром Касымовичем при жизни. Спустя годы, в монографии последовательницы М.К. Кадырбаева – А.С. Ермолаевой, данный факт найдет свое место в научной публикации, посвященной комплексам с прикладами из степной части Прииртышья [12].

Ярким открытием в области изучения памятников раннего железного века Сарыарки можно считать результаты раскопок археологов КарГУ им. академика Е. Букетова – В.В. Евдокимова и С.У. Жауымбаева. Специалистами изучается участок Алат на территории большого поселения Кент [13]. Здесь, на памятнике, датированном эпохой поздней бронзы, были выявлены принципиально новые данные, позволяющие удревнить время освоения нового металла [13].

Серия интересных данных по археологии раннего железного века Сарыарки получена в результате работ сотрудников Сарыаркинского археологического института КарГУ им. академика Е. Букетова – В.В. Варфоломеева и М.В. Бедельбаевой. Например, ими был изучен элитарный комплекс, содержащий элементы поясной гарнитуры [14]. Если собрать все имеющиеся данные о воинских поясах Сарыарки, то их количество едва ли будет насчитывать десяток. Поэтому каждая новая находка, имеющая отношение к костюму древнего воина, является в отечественной науке настоящим событием.

Определенные данные об облике культуры сакского времени Сарыарки получены археологами из Павлодарского госуниверситета – В.К. Мерцем и Г.Ю. Пересветовым. Экспедициями археологов исследовались как поселенческие объекты, так и погребально-поминальные памятники [15, 16].

Многолетними археологическими изысканиями памятников раннего железного века занимается экспедиция НИИ им. К. Акишева Евразийского госуниверситета им. Л.Н. Гумилева под руководством М.К. Хабдулиной. Основные результаты специалиста были изложены в монографии, вышедшей в 1994 г. [17]. В последующие годы М.К. Хабдулиной периодически обобщаются данные о памятниках раннего железного века Сарыарки, что позволяет представить объективную ситуацию о проблемах древних культур сакского времени [18–19].

Подробный анализ публикаций, посвященных изучению Тасмолы, содержится в работах А.Д. Таирова [20]. От внимательного взгляда исследователя не ускользает ни одна статья о памятниках тасмолинской культуры. Здесь уместно упомянуть об открытии кургана тасмолинского облика в Южном Зауралье [21], а также о том, что А.Д. Таировым в рамках работ Лисаковской археологической экспедиции, бессменным руково-

длителем которой многие годы была Э.Р. Усманова, исследовались памятники раннего железного века Тургая [22].

Отметим, что некоторые предметы искусства из раскопок кургана №5 могильника Кичигино Южного Зауралья находят прямые аналогии в материалах из комплексов, выявленных работами М.К. Кадырбаева [6] и А.З. Бейсенова [23].

На фоне успехов, достигнутых в области изучения сакских древностей Казахстана и Степной Евразии, Тургай остается «белым пятном», поскольку изначально в регионе целенаправленно исследовались памятники более древних эпох – камня и бронзы. Здесь, благодаря экспедиции Кустанайского пединститута, возглавляемой сначала В.В. Евдокимовым, затем – В.Н. Логвиным, были изучены сотни новых памятников палеометаллической эпохи и каменного века. Виктором Николаевичем было убедительно обосновано открытие новой культуры неолита – маханжарской [24]. Были получены уникальные свидетельства о заселенности региона в каменном веке. В.Н. Логвиным и С.С. Калиевой впервые в отечественной археологии была предложена модель, реконструирующая особенности ведения хозяйства древними популяциями [25]. Уже для эпохи энеолита, изученного по таким ярким памятникам, как Кожай, Кумкешу и др., доказывалось существование кочевничества. О чём, в первую очередь, свидетельствовали данные планиграфии и стратиграфии изученных раскопками жилищ [25].

В рамках серийного издания Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана) «Материалы и исследования по археологии Казахстана», инициированного и курируемого З. Самашевым, вышла в свет книга И.В. Шевниной о гончарстве неолитических племен Тургая, подготовленная на основе материалов, полученных В.Н. Логвиным [26]. Данная монография в пределах не только Сарыарки, но и Казахстана в целом, пока единственная, посвященная керамологии эпохи камня. В качестве пожелания автору книги можно высказать идею о продолжении перспективных исследований, также проведении сравнительного рассмотрения результатов, полученных из Тургая, с данными из раскопок В.Ф. Зайберта, В.К. Мерца и других специалистов Сарыарки. Думается, что такой подход конструктивно расширит горизонты будущих научных разработок.

Тургайской археологической экспедицией Костанайского госуниверситета им. А. Байтурсынова под руководством А.В. Логвина в период с 1999 по 2014 гг. частично исследовались сарматские древности, полученные на таких памятниках как Бестамак, Белкарагай и др. Изучены принципиально новые памятники, известные во всем Казахстане пока лишь в пределах Тургая – геоглифы – знаки, оставленные на поверхности земли [27].

Однако целенаправленного изучения наследия древних кочевников Тургая не проводилось. Тургайской археологической экспедицией под руководством В.Н. Логвина памятники раннего железного века и средневековья фиксировались, паспортизировались, но раскапывались только те объекты, над которыми нависала угроза реального уничтожения в силу антропогенных и техногенных факторов. Так, например, были раскопаны курганы близ г. Лисаковска, датируемые сарматским временем и средневековьем [28].

Все имеющиеся на сегодняшний день памятники сарматского облика региона обобщены в публикациях А.М. Сеитова [29]. Что касается изучения сакских древностей, то отметим, что из Западной Сарыарки происходит комплекс бронзовых предметов, случайно выявленный близ с. Каинды. Находки были обнаружены в 1970-х гг. местными жителями. В.Н. Логвин передал комплекс в Тургайский областной музей в г. Аркалык, в котором он работал после окончания Кустанайского пединститута в 1973 г. Клад из Каинды в научный оборот был введен А.М. Сеитовым [30].

Предварительный анализ бронзовых изделий из Каинды позволяет определить принадлежность комплекса к Тасмоле [10]. Каиндинские находки обретают новое зву-

чание в свете новых открытий в Казахском Приуралье, где раскопками под руководством Я.А. Лукпановой исследовались курганы в местности Таксай [31]. Здесь, как и в Тасмоле, были найдены распределители конского снаряжения, анализ которых позволил В.А. Новожену и К. Алтынбекову реконструировать их принадлежность к колесничему комплексу [32]. Аналогичный предмет происходит и из клада Каинды [30]. Учитывая количество и характер предметов конского снаряжения из Каинды, можно предположить атрибуцию данного комплекса как колесничего.

Предметы, известные по случайным находкам из Тургая, представляют те категории предметов сакской культуры, которые встречаются практически на всей территории скифо-сибирской культурно-исторической общности. Традиционно в качестве критерия надкультурной общности степей Евразии I тыс. до н.э. выступает набор, выявляющий культуры скифского круга – триада – оружие, конский убор, звериный стиль. Это закономерно, так как огромные степные пространства явились тем фактором, который способствовал развитию процессов становления кочевой цивилизации. А.И. Мартынов связывает начало цивилизационных процессов в степной Евразии в палеометаллическую эпоху с тремя основными новациями: распространением скотоводства, началом горнорудного дела и металлургии, изобретением колеса и колесного транспорта [33]. Степи, контакты вдоль степного пояса – территориально-географический и коммуникационный факторы сложения определенного единства в I тыс. до н.э.

Клад Каинды в Сарыарке является пока единственным комплексом, насчитывающим в своем составе более 70 бронзовых предметов. Данное обстоятельство, а также критически малая изученность сакских древностей региона, позволяют обосновать необходимость проведения в регионе систематических исследований. К настоящему времени для памятников Восточной Сарыарки экспедицией А.З. Бейсенова разработаны результативные методы выявления сакских древностей, особенно, это касается поиска и выявления поселенческих памятников, а также привязки к ним тех или иных концентраций крупных могильников. Поэтому вполне логичным и закономерным видится необходимость апробации данной методики в Западной Сарыарке. Действительно, методика поиска поселений раннего железного века исходя из «анализа природных условий и этнографических данных» [цит. по: 34, с. 178] принесла свои плоды для районов Восточной Сарыарки. Отметим, что данный метод был впервые применен видным сибирским ученым П.И. Шульгой для районов Горного Алтая, но более широко его использовал на конкретных примерах из казахской этнографии казахстанский исследователь А.З. Бейсенов. Оба специалиста ставят упор на «природные условия» и «этнографию». Это означает, что для поиска поселений готовых «стандартов» быть не может, а пользу принесет реальное знание этнографии (в отличие от формальных цитирований архивных материалов или иных письменных источников), этнографии землепользования.

О раскопках памятников раннего железного века в Западной Сарыарке вскользь упоминает М.К. Кадырбаев в 1959 г. [35]. Актуальность необходимости изучения региона в 1999 г. высказывалась в работе А.З. Бейсенова и Д.А. Кожаква [36]. Древности раннего железного века Тургая исследовались С.Г. Боталовым в ходе разведочных работ, осуществлявшихся в рамках обследования трассы проектируемого канала Обь – Аральское море. В частности, раскопками исследовался памятник, расположенный на восточной периферии участка – могильник Наурзум IV [37].

В 2014 г. археологами из Костанайского госуниверситета им. А. Байтурсынова И.В. Шевниной и А.М. Сеитовым в научный оборот были введены данные о детском погребении, датированном ранним железным веком, раскопанном на р. Ащытасты /38/. Несмотря на то, что малая изученность региона пока не позволяет четко атрибутировать полученные материалы, сам факт обнаружения памятника такого типа выделяет его на фоне известных в науке древностей Сарыарки.

Данные, имеющиеся в настоящее время о раннем железном веке Западной Сарыарки, позволяют высказать мнение о том, что в данном регионе, очевидно, более ранние этапы синхронизируются с древностями Тасмолы, в последующем, видимо, происходит сосуществование двух традиций – сакской и сарматской. Если для Тургай высказанное мнение имеет лишь гипотетический характер, то для Приишимья аналогичная ситуация описана на основе тщательного анализа материала и озвучена в монографии М.К. Хабдулиной [17].

Реалии современного состояния науки таковы, что необходимо проведение комплексных мероприятий, нацеленных на получение максимально возможной информации о том или ином археологическом памятнике – будь то крошечное изделие, происходящее из случайных находок, либо – целый объект историко-культурного наследия.

Археологическая изученность Тургай убедительно демонстрирует непрерывную линию освоения человеческими коллективами региона на протяжении тысячелетий. Данные процессы не могли не отразиться на облике популяций, проживающих здесь. В настоящее время в археологии Казахстана обозначилась тенденция к критическому восприятию концепций, господствовавших в науке в 1970-х гг., которые были основаны на однобоком – евроцентристском подходе, что выразилось в широком распространении терминов: «индоевропейцы», «индоарии», «протоарии», «арии» при характеристике этнических составляющих населения, например, палеометаллической эпохи. Естественно, такой подход изначально был запрограммирован на умаление значения разработок по прототюркско-монгольскому (прототуранскому) направлению в науке.

Сложение казахского этноса не могло произойти в одночасье. Этому способствовали глубинные процессы, происходившие в Степи на протяжении длительного времени. Ответ на данный вопрос касается компетенции соответствующих специалистов. Заметим, что в «Заключении» к своей работе О. Исмагулов при характеристике облика населения бронзового века, обосновывает выделение определенной группы древнеказахстанского типа, на основании которого происходило сложение более позднего населения. Данный антропологический пласт был преобладающим среди коренных насельников до II тыс. н.э. Однако и в последующий период являлся одним из основных компонентов в составе современного населения Казахстана [39, 148].

Близкие данному антропологическому пласту населения группы участвовали в организации синташтинского общества и поддерживали его единство. Так, по мнению А.А. Хохлова и Е.П. Китова, этот приоритет необходимо отдать людям в широком смысле степного – восточноевропейско-казахстанского происхождения [40].

В Тургае целенаправленных, систематических, археологических исследований по цивилизациям кочевников, включающих в себя периоды раннего железного века, средневековья и времени становления и расцвета казахской культуры еще не проводилось. Для исследователей – Торғай – обширная, во многом загадочная страна с поэтичным названием, несомненно, сыгравшая важную роль в истории казахского народа. Поэтому вполне логична, закономерна и актуальна необходимость проведения комплексного исследования, нацеленного на вертикальный срез культуры кочевников региона – от саков до казахов.

Список литературы

1. Бейсенов А.З. Арка: значение историко-археологического аспекта в выяснении сущности казахского народного термина // Вестник КазГУ. Сер. историческая. – 1998. – №12. – С. 178-186.
2. Бейсенов А.З. О необходимости нового подхода в изучении народного термина «Арка» // Проблемы вузовской и прикладной науки в республике Казахстан: матер. междунар. научн. конф. – Астана: ЕАГУ, 1999. – Ч. 2. – С. 95-97.

3. Бейсенов А.З. О значении термина «Арка» в ареалах расселения тюркоязычных народов среднеазиатско-казахстанского региона // Ош и Фергана: археология, новое время. Культурогене, этногенез. – Бишкек: Мурас, 2000. – Вып. 4. – С. 113–116.
4. Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. – Алматы, 2011. – 32 с.
5. Древняя культура Центрального Казахстана / Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.
6. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
7. Бейсенов А.З. К вопросу о выделении памятников коргантасского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина – конец I тыс. до н. э.) // Этнокультурные процессы на территории (древность, средневековье, современность). – Алматы: Санат, 1996. – С. 55–61.
8. Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестник ТомГУ. – 2014. – №6 (32). – С. 121–128.
9. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. К вопросу о сложении раннесакского звериного стиля (по материалам курганов Талды-2) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. Круглого стола, посв. 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011. – С. 32–35.
10. Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Орнамент в культуре саков Центрального Казахстана // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – Т. 16, №3 (2). – С. 597–604.
11. Бейсенов А.З., Свято С.В. – В печати.
12. Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы, 2012. – 236 с.
13. Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. Горизонт железоварочных горнов производственной площадки поселения Алат эпохи поздней бронзы // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. – Алматы, 2013. – С. 228–237.
14. Варфоломеев В.В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 315–324.
15. Мерц В.К. О связях кочевников Павлодарского Прииртышья с древними культурами Южного Казахстана // Культурное наследие Южного Казахстана. – Шымкент, 2002. – С. 65–68.
16. Пересветов Г.Ю. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантасского типа» // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2006. – С. 200–207.
17. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, Ракурс, 1994. – 170 с.
18. Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2007. – №2. – С. 181–194.
19. Хабдулина М.К., Гаврилов Д.А., Свиридов А.Н. Археология Северного и Центрального Казахстана. (1764–2012). Библиографический указатель. – Астана: «Сарыарка», 2013. – 280 с.
20. Таиров А.Д. Изучение памятников ранних кочевников Северного и Центрального Казахстана в первом десятилетии XXI в. // Наука ЮУрГУ: матер. 66-ой научн. конф. Секции соц.-гуманит. наук. – Челябинск: издательский центр ЮУрГУ, 2014. – С. 578–584.
21. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий (МИАР. № 13). – М.: ТАУС, 2010. – С. 339–354.
22. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. – Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2007. – 274 с.
23. Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманит. науки. – Челябинск, 2013. – Т. 13, №2. – С. 12–17.
24. Логвин В.Н. Неолит и энеолит степного Притоболья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1986. – 26 с.
25. Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, КГУ им. А. Байтурсынова, 1997. – 180 с.

26. Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая. Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 236 с.
27. Логвин А.В., Шевнина И.В. Археология Торгая в период независимости // Мыңжылдықтар куәлары: Қазақстан археология ғылымы 20 жылда (1991-2011). – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. – С. 369–384.
28. Базарбаева Г.А., Подзюбан Е.В. Курганная группа Кеныш-3 // Топорковские чтения. – Рудный, 1997. – Вып. III.
29. Сеитов А.М. Сарматские памятники Торгайской степи // Археология Казахстана в эпоху Независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. – Алматы, 2011. – С. 134–144.
30. Сеитов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. Круглого стола, посв. 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганды, 2011. – С. 149–157.
31. Лукпанова Я.А. Костом женщины сарматской эпохи: опыт реконструкции // Диалог культур Евразии и археологии Казахстана: сб. научн. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана, 2014. – С. 430–440.
32. Новоженев В.А., Алтынбеков К. К вопросу об использовании колесниц в эпоху ранних кочевников // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 231–247.
33. Мартынов А. Проблемы изучения евразийской степной цивилизации // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: сб. матер. междунар. науч. конф. – Астана, 2008. – С. 10–19.
34. Бейсенов А.З. Экологический фактор в устройстве поселений сакского времени в Центральном Казахстане // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. – 2014. – №6 (74). – С. 170–178.
35. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института Истории, археологии и этнографии АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – Археология. – С. 162–203.
36. Бейсенов А.З., Кожиков Д.А. Тасмола и хуннский аспект // Материалы I и II научных чтений памяти В.П. Юдина 1993–1994 гг. – Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова. – С. 27–30.
37. Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: сб. статей. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 226–251.
38. Шевнина И.В., Сеитов А.М. Детское погребение раннего железного века из Тургая // Восхождение к вершинам археологии: сб. матер. междунар. научн. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – С. 273–280.
39. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – 239 с.
40. Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). – Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2014. – С. 131–142.